

двинется на Россию вся Европа. Она найдет там Фермопилы, Леонида и свой гроб».

В эпилоге Ш. расскажет о «железной кованой укладке», в которой Ушаков хранил толстую тетрадь. По одним местным легендам и преданиям, это были «записки» самого Ушакова, по другим — «то была самая тайная русская рукописная книга, которую не полагалось читать в те года». Речь идет о тайном списке «Путешествия из Петербурга в Москву» и о новом замысле Ш., который воплотится в его худож. исследовании «**Потаенный Радищев**» (1965; 2-е изд. 1968). Подзаголовок «Вторая жизнь „Путешествия из Петербурга в Москву“» — объясняет творческую задачу автора доказать, что после возвращения из ссылки Радищев морально не сломлен, он продолжает работу над «Путешествием» и организует тайную переписку с Санасарским монастырем.

Архивные поиски, встречи с потомками известных в XVIII в. фамилий, краеведами, историками, простыми людьми, современниками Ш., — весь этот обильный и разнообразный материал цементирует образ автора, неутомимого исследователя, пытающегося раскрыть пока неизвестные факты истории русской литературы и общественной мысли. Ш. включает главки «Из записной книжки автора», «Мысли на дороге», счастливо соединяет в себе пытливого исследователя и одаренного художника.

Первая публикация «Потаенного Радищева» вызвала оживленный обмен впечатлениями. Точки зрения были противоположными. Состоялось обсуждение в Пушкинском Доме. Во 2-м изд. (1968) Ш. ввел дополнительные материалы, привлек ранее не известные факты.

Перу Ш. принадлежат публикации в академических изданиях — «**Неизвестные страницы В. В. Попугаева**», «**Новое о Пушкине и Карамзине**» (Известия Академии Наук СССР, Отделение лит-ры и языка. Т. 18. Вып. 1. 1959; Т. 19. Вып. 2. 1960), а также многочисленные лит. рецензии, отклики на монографии историков (о книгах И. Смирнова «Восстание Болотникова», А. Морозова «Михаил Васильевич Ломоносов»).

Соч.: Повесть о Болотникове. М., 1930; Повесть о мудром Хикаре // Год XVI: альм. 2-й. М., 1933; Труды и дни Михаила Ломоносова. М., 1933; На поле Куликовом. М., 1938; Флотоводец Ушаков. М., 1948; Страницы морской славы. М., 1954; Дети доброй надежды. М., 1959; Потаенный Радищев. М., 1965; Потаенный Радищев. Изд. испр. и доп. М., 1968; Избранные произведе-

ния: в 2 т. / вступ. статья М. Козьмина. М., 1985; Слово о полку Игореве / редакция древнерусского текста и пер. С. Шамбинаго и В. Ржиги; пер. С. Шервинского и Георгия Шторма; рец. и вступ. статья В. Невского. М., 1934.

Лит.: Горький М. О литературе (1930) // СС: в 30 т. Т. 25. С. 254; Богословский Н. Роман о Ломоносове // Новый мир. 1933. № 7–8; Тучин В. Ломоносов как литературная тема // Звезда Севера. 1933. № 10; Чуковский К. Искусство перевода. М.; Л., 1936; Лебедев В. Восстание Ивана Болотникова // Шторм Г. Повесть о Болотникове. М., 1937; Скосырев П. О худож. переводах «Слова о полку Игореве». Опыт обзора // Знамя. 1938. № 5; Тарле Е. Об исторической библиотеке Детиздата // Детская лит-ра. 1940. № 11–12; Виноградова В. «Слово о полку Игореве» в переводах Г. Шторма, С. Шервинского, И. Новикова и А. Югова // «Слово о полку Игореве»: сб. исследований и статей. М.; Л., 1950; Робинсон А. Проблема перевода «Слова о полку Игореве». К итогам совещания при Ин-те русской лит-ры (Пушкинский Дом) АН СССР // Вестник АН СССР. 1951. № 12; Западов А. Страницы морской славы // Знамя. 1956. № 1; Западов А. Предисл. к публикации отрывков из книги «Потаенный Радищев» // Новый мир. 1964. № 11; Светлов Л. По поводу работы Шторма «Потаенный Радищев» // Философские науки. 1965. № 5; Андроников И. О новом жанре // Андроников И. Я хочу рассказать вам... М., 1965; Горький и советские писатели. Неизданная переписка. Пять писем Горького Шторму // ЛН. Т. 70. М., 1969; Козьмин М. Дар художника, труд историка: [вступ. статья] // Избранные произведения: в 2 т. М., 1985; Творогов О. В. Шторм Георгий Петрович // Энциклопедия «Слово о полку Игореве». Т. 5. СПб., 1995. С. 242–243.

А. И. Филатова

ШУБИН Павел Николаевич [14(27).3.1914, Чернявск Елецкого у. Орловской губ.— 11.4.1951, Москва] — поэт.

Родился в семье сельского пролетария — слесаря на бумажном комбинате. Мать была неграмотной, но знала много стихов, читала их детям, что запомнилось поэту. Был последним — одиннадцатым — ребенком. 15-летним подростком Ш. уезжает в Ленинград, к сестре. Работает слесарем на Ленинградском металлургическом заводе им. Сталина (1929–33), одновременно учится на вечернем отделении конструкторского техникума (окончил в 1932). Именно в эти годы начинает печататься в ленинградских ж. («Резец», «Звезда»). Лучшие из ранних стихов войдут в первый сб. «**Ветер в лицо**» (1937). В 1933 по путевке завода Ш. поступает на филол. ф-т педагогического ин-та им. А. И. Герцена. Окончив его (1938), переезжает в Москву, становится членом Союза советских писателей. В 1940 выходит второй сб. поэта «**Парус**».

П. Н. Шубин

Своеобразие предвоенного поэтического облика Ш. определяло соединение в нем традиционной для 1930-х пафосно-оптимистической декларативности и глубоко личного переживания конкретных мгновений бытия. Ш. стремится передать свою увлеченность окружающим миром, любовь к мельчайшим его подробностям, в которых проступают очертания «малой родины» и открываются целые микромиры, в них его лирический герой обретает ощущение бесконечности времени и пространства. Стихи Ш. населены живыми образами из мира природы, точность и живописность их говорят о наблюдательности молодого поэта, об отличном владении стихотворной техникой. Именно своей погруженностью в живой мир поэзия Ш. попадает в зону внимания критики и читателей в середине 1930-х, когда после многолетней «опалы» происходит «реабилитация» лирики природы. В стихах Ш. мир предстает динамичным, звучным и чувственно-выразительным. Колористическая сдержанность компенсируется богатой гаммой запахов: «будет душен черемухи запах», «горько пахнет степная польнь», «пахнут хмелем сухим баштаны...». Зерном его поэтической философии стало представление о непреходящей ценности человеческого бытия. Почти детская мечта о сохранении «вечной сказки» природы будет

с поэтом всегда, станет своеобразным нравственным критерием оценки действительности («Ясная, израненная сказка, / Разве ты не прежняя, другая?...» — 1946).

«Простые подробности» Родины уживаются в ранней поэзии Ш. с высокой юношеской романтикой, на что указывают названия первых сб. Парус как знак романтически-приподнятого восприятия будней станет лейтмотивом в творчестве Ш. Среди лит. кумиров, чьи уроки были сознательно восприняты поэтом, — Бунин и Пришвин, у которых он учится не только стилю, но и постижению красоты земли, а также Лермонтов и Блок, волновавшие Ш. высокими романтическими порывами духа. В конце 1930-х сгущающаяся атмосфера предгрозя зазвучала в стихах Ш. и его поэтических ровесников (К. Симонова, М. Дудина, А. Лебедева и др.) темами гражданского подвига и «большой» Родины. У Ш. они переплетены мотивом памяти: от «беспамятства» юности — к апологии «корней», связывающих временные пласты как в пределах одной жизни («Память»), в жизни поколения («Товарищ»), так и в жизни всей нации («Над Донцом»). Идущее от Пушкина, Бунина, Блока шубинское понимание своей связи с прошлым, настоящим и будущим Родины звучит в одном из его лучших довоенных стих. **«Навстречу стремнине бредущие вброд...»**, в трех небольших поэмах — **«Слово об Иоване Зрини»**, **«Котовцы»**, **«Товарищ»**.

Наивысшим взлетом в творческой биографии Ш. стала фронтовая лирика. Во время Великой Отечественной войны Ш. был вначале солдатом, затем сотрудником газет Волховского, Карельского фронтов, был в Заполярье, Норвегии, участвовал в 1945 в Дальневосточной военной кампании. Современники поэта — участники войны — вспоминали о его отчаянной храбрости, об умении быстро принять решение. Об этом говорят и боевые награды Ш. — ордена Отечественной войны 2-й степени и Красной Звезды, мн. медали. Его стихи, написанные о реальных участниках боев, издавались политуправлениями фронтов отдельными книжечками (**«Во имя жизни»** — 1943, **«Герои нашего фронта»** — 1945 и др.). Мн. из стихов Ш. создавались как песенные тексты. **«Волховскую застольную»** (1942) распевал весь фронт, впоследствии она стала одним из поэтических символов Великой Отечественной. Личный солдатский опыт, вероятно, во многом предопределил одно из главных качеств военной поэзии Ш. — ее глубокий психологизм, точность и выразительность

изображения переживаний человека в экстремальных ситуациях, в трагических обстоятельствах перед лицом смерти.

В 1943 Ш. входит в зенит своей творческой биографии. К этому времени создано лучшее в его военной лирике («**Верность**», «**Шофер**», «**Изба у дороги**», «**Полмига**»). Стих. «Полмига» — одно из вершинных в русской поэзии. И без того популярный среди фронтовиков, Ш. после его публикации был назван «старшиной поэтических сил» Волховского фронта.

Война обострила в Ш. чувство времени. Не утрачивая исторической памяти, поэт открывает небывалую емкость мгновения (и даже полумига) настоящего. Мотив этот звучит в целом ряде стихов: «**Разведчик**», «**Солдат**» («**Зеленой ракетой...**»), «**Верность**» и др. Словно замедленные фрагменты кинохроники, мгновения оказываются у Ш. вырванными из потока времени и по существу приравняются вечности, обретая при этом внутреннюю завершенность. Фронтная поэзия Ш. многотемна, разнообразна в жанровом отношении. Интересны страницы любовной лирики («**Несмеяна**», «**Портрет**», «**Маленькие руки**»), поэтические очерки, стихи балладного звучания. Военные баллады Ш. («**Трое**», «**Снайпер**», «**Шофер**», «**Пакет**» и др.) — явление самобытное. Соединяя тихоновскую «балладу-скорость» с психологической балладой в духе Твардовского, он ведет свое исследование природы подвига. Герои шубинских баллад — представители различных фронтовых профессий (летчик, пехотинец, шофер, снайпер, разведчик). Личностный опыт лирического героя Ш. расширяется за счет такого инобытия.

Одной из основных тем лирики Ш. в период завершения войны и первых послевоенных лет становится тема обличения войны как катастрофы общечеловеческого масштаба, что было созвучно общепозитическому контексту середины 1940-х. Интерпретируя мотив «дома у дороги», Ш. дает свое лирико-символическое изображение страшных итогов войны. Для поэта «дом» — это природа, и потому толстовский мотив войны как безумия развивается у него антропоморфизированными описаниями страданий животных (лошадь — «седая», мучится «по-человечьи», «кончается, как умирают дети»), скорбным реестром утрат, где в одном ряду оказываются его «товарищи по битвам — мертвые деревья и солдаты». Критик В. Перцов в 1946 усмотрел в приведенной строке отступление от гуманистических и политических идеалов, социальных ориентиров (Русская поэзия

в 1946 году // Новый мир. 1947. № 3. С. 180). Но для Ш. человек и природа неразрывно, «семейно» соединены, и потому счет утратам он упорно ведет общий: «убитые села» и «изрубленные деревья». В стихах норвежского цикла («**В Киркенесе**», «**Далекая Лица**», «**В Фиордах**» и др.) углубляется мысль о войне как о всечеловеческой катастрофе, преступлении против естественных основ бытия.

Конец 1945-го и 1946-й были для Ш. достаточно удачными. «Толстые» ж. публикуют подборки его стихов. Поэт готовит к изданию сб., основу которых составляют жестко отобранные автором стихи военных лет. Книги вскоре выходят одна за другой: 1947 — «**Моя звезда**», 1948 — «**Солдаты**», 1949 — «**Дороги, годы, города**». В первый послевоенный год Ш. написал немало новых ярких произведений («**Август**», «**Живая песня**», «**В Лапландских снегах**», «**Современники**» и др.). Главное в них — осмысление произошедшей трагедии, ощущения человека, трудно входящего в мирную жизнь. В этот период Ш. явно тяготеет к крупным формам, о чем говорят его циклы стихов («**Осень**», «**Август**», «**Современники**»), незаконченная поэма «**Битва на Свири**» (1951). Темы памяти и возвращения — центральные в поэтическом «повторном военном цикле» (И. Новиченко) — стали основными и в шубинском послевоенном творчестве. Как и поэты-сверстники, Ш. размышляет об уроках войны, о страшном опыте своего поколения, всматривается в первые признаки возрождения «сказки». Знаком возвращения человека в свой разрушенный «дом», символом возрождения становится у Ш. «новый лебедь с древнею резьбою», что плывет «над новою избою».

В конце 1946 Ш. вместе с рядом поэтов-фронтовиков попадает в «опалу» у критики. Начало положила названная статья В. Перцова, написанная в свете печально известного «Постановления» 1946. Вслед за Ахматовой, Пастернаком, Гудзенко, Смеляковым Ш. был обвинен в «политической бесхребетности» за «коленипреклоненное» отношение к природе, «неоправданные исторические аналогии». Борьба критики с «плакальщиками» — поэтами военной темы, обвинение их в «ущербности» (С. Трегуб) привели к тому, что часть из них — и Ш. в том числе — сочли для себя военную тему закрытой. Для Ш. это стало одной из причин творческого кризиса. В последующие годы он пишет мало, по 5–6 стих. в год. В основном это были пафосные «бесконфликтные» перепевы «гео-

графических» стихов в духе 1930-х о «большей» Родине, освоении природы. Спровоцированная критикой авральная перестройка на мирные темы в творчестве Ш. серьезных худож. результатов не дала. В эти годы энергия Ш. находит применение в переводах стихов поэтов народов СССР. Работая с подстрочниками, он переводит с казахского, литовского, еврейского, турецкого, татарского и др. яз. Е. Дымшиц называет имя Ш. в числе лучших переводчиков грузинского поэта Р. Маргиани вслед за именами Н. Заболоцкого, А. Тарковского, Н. Тихонова (Дружба народов. 1966. № 2. С. 285).

Умер Ш. в одночасье, от сердечного приступа, в роковом для поэтов возрасте — в 37 лет. Похоронен в Москве на Введенском кладбище. Наверное, это был момент, когда он просто перестал сопротивляться обстоятельствам, а опасность такой минуты, как подлинный поэт, предугадал и даже назвал причину: «И смерти наступит черед, / Когда не останется в сердце / Простого стремленья вперед...» («Надпись на книге», 1951).

Соч.: Ветер в лицо. Л., 1937; Парус. Л., 1940; Моя звезда. М., 1947; Солдаты. М., 1948; Дороги, годы, города. М., 1949; Избранное. М., 1952; Избранная лирика. М., 1966; Стихотворения. Поэмы. Воронеж, 1980; Стихотворения. М., 1982; «Здесь вся моя жизнь...»: Стихотворения, поэма. Петрозаводск, 1985; Избранное: Стихотворения и поэмы. М., 1988.

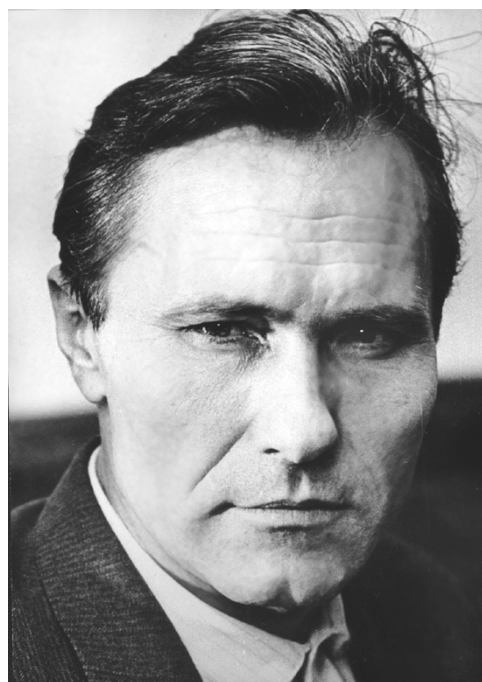
Лит.: Западов А. О стихах Шубина // Звезда. 1938. № 1; Бакинский В. Павел Шубин. «Парус» // Звезда. 1940. № 8–9; Коваленков А. Павел Шубин // Знамя. 1957. № 5; Абрамов А. Человек на войне. Фронтная лирика Павла Шубина // Север. 1970. № 5; Абрамов А. В соавторстве со временем. М., 1982; Коган А. Павел Шубин. М., 1974; Кондратович А. Призвание. М., 1987; Рунин Б. Утренний свет // Новый мир. 1988. № 11.

М. К. Лопачева

ШУКШИН Василий Макарович [25.7.1929, с. Сротки Бийского р-на Алтайского края — 2.10.1974, ст. Клетская Волгоградской обл.; похоронен в Москве] — прозаик.

Родился в крестьянской семье. Отец в 1933 был арестован органами ОГПУ, в 1956 посмертно реабилитирован. Отчим (П. Н. Куксин) погиб на фронте в 1942. Мать, по словам С. Залыгина, «оставалась человеком небольшой граммоты, но душа ее была развита и сильна сама по себе, от природы и от своего народа. Она была чуткой к слову, к песне, к картине, к любому искусству, и не только чуткой, но и способной к нему. Это бы-

ло вполне очевидно, это были те необыкновенные, ни в ком более не повторимые задатки, которые она передала своему сыну» (цит. по: Карпова В.— С. 7–8). Мальчик рано пристрастился к чтению и нелегкому крестьянскому труду. Подростком работал в колхозе. Имеются сведения, что с 1944 по 1947 Ш. учился в Бийском автомобильном техникуме. Позже в автобиографии писал, что «работал в Калуге на строительстве турбинного завода, во Владимире на тракторном заводе, на стройках Подмосковья. Работал попеременно разнорабочим, слесарем-такелажником, учеником маляра, грузчиком». С 1949 по 1952 служил на флоте, где, по его словам, в то время витал «душок некоторого пижонства», и ему приходилось «помалкивать о своей деревне». Досрочно демобилизовавшись из-за болезни (язва желудка), он возвращается в Сротки, где работает в 1953–54 директором вечерней школы, преподает лит-ру и русский яз. Сдав экстерном экзамены за среднюю школу, в 1954 поступает на режиссерский ф-т ВГИКа в Москве (окончил в 1961). Ш. был зачислен в мастерскую М. И. Ромма, замечательного режиссера и педагога, которого Ш. уважал за интеллектуальную самостоятельность и умение в самых сложных жизненных ситуациях оставаться самим собой. В ин-те Ш. начинает писать

В. М. Шукшин